

Г Л А В А 1

ПО РАСЧЕТУ

С О Ф И

Поспешно спрыгиваю с подножки экипажа на серую брусчатую мостовую. На город опускается уютный летний вечер. Шум улицы остается за кованой оградой. Воздух напитан цветущей магнолией и ароматами свежей выпечки.

Я правильно сделала, что не стала засиживаться у матушки допоздна, как обычно. Мне просто не терпится снова оказаться дома!

Я так счастлива! Я хочу всех обнять! Весь белый свет! Всю Империю Драконов! И особенно — ЕГО!

Прикусываю поочередно нижнюю и верхнюю губы, чтобы сделать их пухлее. Рот наполняется вкусом вишневой помады. Быстрым шагом пересекаю внутренний дворик. Сжимаю пальцами холодный металл дверного кольца. Тяну на себя массивную деревянную дверь и попадаю в полутьму прихожей.

— Леди Эварр? Вы рано! — в голосе Кордона, нашего дворецкого, удивление и... испуг?

Глупости!

С чего бы ему пугаться?

— Роланд уже дома?

К чему спрашивать? Я и так знаю, что да! Первым делом заметила черный дорогой экипаж с фамильным гербом!

— Да-да-а, — неуверенно тянет дворецкий. — Господин... Я доложу...

— Нет! — обрываю его энтузиазм. Снимаю шляпку и зонтик, вручаю все это Кордону. — Не стоит! Хочу сделать сюрприз!

— Но...

— Где он? — хитро прищуриваюсь. — В каминном зале?

— Да, но...

— Спасибо, Кордон! Я знаю дорогу!

Дворецкий лишь сокрушенно вздыхает. Возможно, в очередной раз разочарован манерами своей хозяйки.

Да, я девчонка из простой семьи с окраины столицы, а не знатная леди, с пеленок росшая в церемониях.

Нет, я до сих пор не привыкла к обилию блеска, пафоса и прислуги в мире моего мужа.

С тех пор, как три месяца назад на моем запястье зажглась метка истинной для дракона из древнего рода, моя жизнь разделилась на «до», в котором я — выпускница академии магии работала бы помощницей аптекаря в лавке на окраине, и после.

И в этом «после» появился ОН.

Роланд Эварр.

Могущественный дракон с длинными темно-каштановыми волосами и глазами цвета ночи, которые смотрят в самую душу. От чьего взгляда подгибаются коленки и тревожно сосет под ложечкой.

Потому что я не верю. Просто не верю до сих пор, что такой мужчина может быть моим. Где он и где я!

Опускаю глаза и нежно очерчиваю подушечками указательного и среднего пальцев окружность метки истинной на правом запястье.

Я могу верить или не верить, но это правда. Я его истинная.

Я его. А он мой! Мой!

Брачная церемония связала нас нерушимыми узами.

А совсем скоро наша связь станет еще прочнее...

Улыбаюсь своим тайным мыслям, которые греют сильнее открытого драконьего пламени.

Я даже матушке не стала рассказывать первой. Удержалась. Потому что мне очень хочется, чтобы первым узнал ОН.

Коридор тонет в полутьме. Магические светильники едва ли справляются со стгушающимися сумерками. Портреты предков Роланда строго взирают на меня с каменных стен. Ковровая дорожка глушит стук каблучков.

Сердечко бьется быстро-быстро. Закусываю губу от нетерпения. Рот непроизвольно растягивается в улыбке, когда я резко поворачиваюсь, застывая в дверном проеме каминного зала.

Сглатываю. Моргаю. Хмурюсь. Потому что что-то не так. Что-то? Все!

Все не так!

В нос забивается хорошо знакомый сладко-резкий запах лилий. Откуда он здесь?

В глубине комнаты уютно потрескивает камин, отбрасывая на каменный пол красно-желтые полосы. Аромат лилий смешивается с запахом тлеющих поленьев.

Массивное кресло повернуто к огню. В нем сидит мой муж — узнаю жилистую руку, унизанную древними фамильными перстнями, покоящуюся на подлокотнике. Он не один.

У его ног на пухлой расшитой золотом подушечке устроилась женщина.

Ее алое платье едва держится на плечах из-за ослабленной шнуровки. Будто она его только-только наспех набросила.

Блестящие рыжие пряди растрепаны. Подобострастный взгляд изумрудных глаз в обрамлении пушистых ресниц направлен вверх. На моего мужа.

Делаю глубокий вдох, а выдохнуть не могу. Потому что я ее знаю.

Открывшаяся чужая идиллия слишком чудовищна. И мозг отчаянно ищет оправдания тому, что видят глаза.

Амара просто проезжала мимо. Хотела повидать меня, но дома оказался лишь Роланд. Случайно. Это обычный визит вежливости, только и всего. А платье... Ей просто стало душно, вот и ослабила его...

Но то, что я слышу в следующую секунду, разбивает вдребезги ту нелепую версию, которую я малодушно сочинила для себя самой.

— Ты совсем забросил свою девочку, — дует губки лучшая подруга и всем телом подается вперед.

Льнет к руке моего мужа. Трется о нее щекой.

— Не начинай. Ты знаешь причину. — Дракон лениво перебирает ее рыжие волосы.

— Конечно, знаю! — В голосе Амары появляются капризные нотки. — Твоя жена!

— Она моя истинная и родит сильных сыновей. — В отличие от подруги муж спокоен и холоден. А может, все дело в том, что речь обо мне. Со мной он всегда такой. Другим я его не знаю. — Как только Софи забеременеет, я отошлю ее в фамильный замок. Это брак по расчету. С тобой все иначе. Ты для любви.

Он подается вперед, властно притягивает Амару за подбородок и целует. Медленно. Неторопливо.

Смотрит на нее нежно и ласково, так, как никогда не смотрел на меня.

Отступаю назад в темноту коридора. Сжимаю рукой дверной косяк, чтобы не упасть, и кладу ладонь на

пока еще плоский живот. Думала, у нас любовь. Ошибалась.

Внутри через всю комнату, запустить пальцы в ненавистные рыжие патлы предательницы, рвануть со всей силы, отшвыривая ее прочь от мужа, который тоже хорош! А затем повернуться к нему, размахнуться и со всей силы вцепить пощечину.

Звонко! Хлестко! От души!

Один раз и второй!

Опрокинуть пустое кресло! Нет, швырнуть его прямо в камин! И орать раненым зверем, выпуская наружу всю ядовитую горечь измены! Кричать так, чтобы слышал весь дом! Чтобы все оглохли и прочувствовали ту боль, которую чувствую я! Которая рвет на части сердце и душу!

Да! Именно так повела бы себя смелая, гордая и знающая себе цену женщина.

Не я.

Прислоняюсь затылком к холодной каменной стене. Поднимаю глаза в тонущий во мраке потолок. Глоблю соленые слезы.

Отгалкиваюсь от стены и, пошатываясь, бреду прочь. Я как раненый зверь, хочу забиться куда-нибудь подальше, в безопасное место, свернуться калачиком и умереть в тишине.

Не могу оставаться в этом доме. Дышать одним воздухом с... ними.

Ноги сами несут меня в прихожую. Прямо как есть, с непокрытой головой, без шляпки, выхожу на крыльцо. В груди печет, и я не чувствую ничего, кроме жара.

Все будто не со мной. Как же хочется просто закрыть глаза, а проснувшись, понять, что это был лишь страшный сон. А моя сказка продолжается.

Но это не сон...

Прихожу в себя, только когда экипаж останавливается у аккуратного особняка, отделанного золотистым песчаником. Толкаю кованую калитку, которая открывается с протяжным поскрипыванием. Бреду с поникшей головой мимо ровных клумб оранжевых бархатцев, высаженных вдоль дорожки.

Распахиваю без стука входную дверь.

— Мамочка? — Падаю на колени прямо в прихожей, прячу лицо в ладонях и только теперь даю волю слезам.

— Софи? Почему ты вернулась? Что... Дракониий Бог! Да что с тобой такое?

— Роланд любит другую! — выкрикиваю между всхлипываниями. — Он мне изменяет!

Молчание.

— Ох, крошка моя... Встань с пыльного пола! Платье же, Софи, ну! Идем же, кому говорю!

Мамины руки поднимают меня и мягко тянут в гостиную. На бирюзовый велюровый диванчик. Не замечаю ничего вокруг. Продолжаю топить свое горе в слезах. Рыдания перерастают в икоту, а облегчения все нет и нет.

— Флора! — Матушка звенит колокольчиком. Раздается торопливый стук каблуков. — Чаю нам! И конфет! И коньячку!

Матушка подсаживается ко мне поближе.

— Ну, все, все. — Гладит мне спину. — Прекрасней плакать, иначе распухнет нос, и так вон какой красный! Держи платок. Высморкайся и расскажи толком, что стряслось.

Дрожащими руками промокаю глаза и начинаю рассказывать между всхлипываниями.

— Я... вернулась домой... раньше обычного. А там... Роланд и Амара, и они...

— Ясно, — сухо кивает матушка. — Куда тебя только бездна понесла, звала же тебя в торговую галерею! А ты домой, домой! Надо было слушать меня! Разве я когда плохое советовала?

Матушка вздыхает и неодобрительно качает головой. Хмурюсь и подозрительно смотрю на нее.

— Ты... не удивлена?

Матушке сорок восемь. После того, как Роланд пыскал для нее милый особняк в элитном районе столицы и определил кругленькую сумму ежемесячного содержания, ее жизнь заиграла новыми красками. Будто вторая молодость началась.

Красивые наряды. Покупки в торговой галерее. Опера. Светские визиты в те дома, в которые еще полгода назад нас бы и на порог не пустили.

Матушка поправляет темно-русые волосы, уложенные в тугой пучок на затылке, и складывает ухоженные руки со свежим маникюром на юбку из серебристой парчи.

— Отнюдь, — качает головой. — Ты разве не знала? Амара всего лишь вдова маршала, а уже год живет не по средствам. Разве она не говорила тебе, откуда у нее деньги?

Год...

Мы вместе учились с Амарой в академии, были лучшими подругами. Потом она оставила учебу ради выгодного брака с маршалом Сохрейном, который ей в отцы годился. Я осталась в академии.

Пока училась, Амара овдовела. Мы продолжали общаться в переписке и мечтали о том, как снова будем видеться каждый день, когда моя учеба закончится. Но

когда я вернулась домой, наши пути разошлись окончательно.

Мы с матушкой едва сводили концы с концами, живя в скромном домишке на окраине города — единственном, что осталось от отца, который незадолго до смерти промотал все состояние в карточных играх.

А Амара начала вращаться в высшем обществе. Болтали, что у нее появился влиятельный покровитель из приближенных к Императору.

Драконий Бог! Могла ли я подумать!

Вот почему она так натянуто улыбалась на приеме, где Роланд представил меня в качестве невесты! А я-то думала, дело лишь в том, что мы друг от друга отвыкли!

— Мерзавка! Ненавижу ее! — стону в потолок и рву платок ногтями.

— Это же ганайский шелк! — шипит матушка и раздраженно выхватывает у меня из рук кусок гладкой ткани. Затем легонько бьет меня по щеке, приводя в чувство.

— Заканчивай эту истерику, Софи! — Ее голос звенит в тишине гостиной. — Успокойся! Слышишь? Ничего не случилось!

Смотрю на нее потрясенно. В смысле? Не случилось?!

Моя жизнь рушится!

Открываю было рот, но в этот момент входит Флора с подносом в руках, на котором уместились пузатый фарфоровый чайник с поднимающимся из носика паром, две пары чашек, вазочка с шоколадными конфетами ручной работы, миска домашнего печенья в виде розочек с капелькой красного варенья по центру и хрустальный графин с янтарной жидкостью, закнутой пробкой.

— Спасибо, Флора, дальше мы сами! — Матушка останавливает кухарку одним жестом. — Закрой дверь с той стороны.

Дородная кухарка пристраивает поднос на чайный столик, оскорбленно поджимает губы и молча удаляется. На стене бьют часы с кукушкой. За окном стремительно темнеет.

— Итак. — Изящным жестом матушка берется за чайник.

Шмыгаю носом и задумчиво смотрю, как в белоснежный фарфор тонкой дымящейся струйкой льется чай. Воздух вокруг наполняется ароматом клубники и персика. Это успокаивает.

Пока остывает чай, утаскиваю из вазочки печенье, нервно точу зубами хрустящий краешек. Матушка льет себе в чашку немного чая, затем добавляет щедрую порцию янтарной жидкости из графина.

Я беру еще одно печенье. Еще. И еще. Сладкая крошка во рту хотя бы немного заглушает горький вкус двойного предательства.

— Итак, — повторяет матушка. — Вот что ты сделаешь, Софи. Успокоишься. Забудешь, что видела. Вернешься домой к своему мужу с милой улыбкой на лице. Именно так поступают мудрые женщины. Именно так поступишь ты. Поняла меня?

Я чуть чаем не давяюсь. Кашляю. Ставлю чашку на стол. Прижимаю холодные ладони к пылающим щекам. Прокручиваю в голове снова и снова то, что сказала мама.

Примеряю на себя эту реальность.

Знать, что у того, кого любишь всем сердцем, другая.

Что он проводит время с ней, а тебя только терпит. И так будет всегда.